

DOI 10.23859/1994-0637-2020-4-97-13
УДК 81'42

© Мартянова И. А., 2020

Мартянова Ирина Анатольевна

Доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
ORCID 0000-0003-3526-317X
E-mail: irine.pismo@gmail.com

Martianova Irina Anatolevna

Doctor of Philology, Professor,
The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St Petersburg, Russia)
ORCID 0000-0003-3526-317X
E-mail: irine.pismo@gmail.com

**КОМПОЗИЦИОННО-
СИНТАКСИЧЕСКОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВНЕШНЕЙ И
ВНУТРЕННЕЙ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ
В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА
«ОТЦЫ И ДЕТИ»**

**COMPOSITIONAL AND SYNTACTIC
INTERACTION OF CHARACTERS'
EXTERNAL AND INTERNAL SPEECH
IN I. S. TURGENEV'S NOVEL
"FATHERS AND SONS"**

Аннотация. Статья посвящена лингвистической специфике изображения внешней и внутренней речи в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети», выявлению разнообразных способов их композиционно-синтаксического взаимодействия, регулируемого автором и обусловленного динамикой взаимоотношений персонажей, их социальной и психологической дифференциацией, развитием образов. Наиболее сложно взаимодействие представлено в диалогах, построенных на диссонансе или унисоне внешней и внутренней речи героев.

Abstract. The article considers the linguistic specifics of the external and internal speech in I. S. Turgenev's novel "Fathers and Sons". Various ways of their compositional and syntactic interaction regulated by the author are revealed. They are determined by the dynamics of characters' relationships, their social and psychological differentiation and development of images. The interaction is most difficult in dialogues based on dissonance or unison of the characters' external and internal speech.

Ключевые слова: внешняя речь, внутренняя речь, образы автора и персонажей, композиционно-синтаксическое взаимодействие

Keywords: external speech, internal speech, images of the author and characters, compositional and syntactic interaction

Введение

Изучение чужой речи в художественном тексте связано с анализом монологов и диалогов персонажей. Появление в этом контексте термина *внутренняя речь* вызывает объяснимое сомнение, обусловленное традицией его преимущественно психолингвистической интерпретации¹. Мы отдаем себе отчет в том, что этот подход позволил выявить сложное соотношение вербального и невербального выражения мыслительного содержания, ассоциативность, прерывистость и другие особенности внутренней речи, однако в данном случае рассматриваем ее исключительно в аспекте

¹ Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – Москва: Наука, 1982. – 157 с.

те художественного изображения, имея в виду эстетическую условность анализируемого понятия. Под внутренней речью персонажей понимаются их не произнесенные вслух, но эксплицированные автором высказывания, выражающие не только суждения, но и чувства, смутные ощущения.

В русистике проблемой чужой речи занимались М. Б. Борисова¹, М. К. Милых², Л. А. Соколова³, Г. М. Чумаков⁴ и др. Научная школа профессора С. Г. Ильенко расширила представления о разнообразных способах ее художественного изображения, среди которых собственно синтаксическими являются конструкции с прямой, свободной прямой и косвенной речью. Несобственно-прямая речь рассматривается как стилистическое явление, а тематическая речь – как речевое и текстовое. Синтаксической уникальностью, безусловно, обладает конструкция с прямой речью. В работах самой С. Г. Ильенко⁵ и ее учениц Ф. Б. Аманалиевой⁶ и Н. И. Чирковой⁷ дифференцированы языковая, речевая и текстовая реализации вводящих авторских слов; сделаны интересные наблюдения о текстовой обусловленности их расширения, что в дальнейшем нашло обобщение в монографии Н. В. Максимовой⁸. Для исследования чеховской драматургии Н. А. Морозовой⁹ был использован термин *диалогический шаг*, а М. В. Грудиной¹⁰ в анализе тургеневской прозы – относительно новый термин С. Г. Ильенко *диалогема*¹¹. Достигнутые результаты, обладая исследовательским потенциалом, требуют своего развития (прежде всего в анализе художественного

¹ Борисова М. Б. Голос автора и голос героя в драматургическом тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: сборник статей в честь профессора Сакмары Георгиевны Ильенко / под редакцией В. Д. Черняк. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 1998. – С. 248–258.

² Милых М. К. Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. – Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1956. – 166 с.

³ Соколова Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. – Томск: Издательство Томского университета, 1968. – 281 с.

⁴ Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. – Киев: Вища школа, 1975. – 220 с.

⁵ Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. – Санкт-Петербург: РГПУ имени А. И. Герцена, 2009. – 398 с.

⁶ Аманалиева Ф. Б. Недialogические конструкции с прямой речью и их функционирование в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград: [б. и.], 1989. – 17 с.

⁷ Чиркова Н. И. Репрезентация диалога в художественном прозаическом тексте: на материале романов И. А. Гончарова «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1992. – 19 с.

⁸ Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. – Москва: Издательский центр РГГУ, 2005. – 316 с.

⁹ Морозова Н. А. Коммуникативные типы предложений-высказываний в художественном драматическом тексте: на материале пьес А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1996. – 23 с.

¹⁰ Грудина М. В. Чужая речь в романах И. С. Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне»: коммуникативно-текстообразовательный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург: [б. и.], 2009. – 32 с.

¹¹ Ильенко С. Г. Русистика: избранные труды. – Санкт-Петербург: РГПУ имени А. И. Герцена, 2003. – С. 385.

изображения внутренней речи). Ранее оно привлекло внимание А. В. Логинова¹ и некоторых других исследователей, но проблема композиционно-синтаксического взаимодействия внутренней и внешней речи персонажей ставится впервые.

Композиционный аспект анализа определяется динамикой отношений отцов и детей, развитием их образов. Обращение к роману «Отцы и дети» мотивировано разнообразием представленных в нем речевых форм, что имеет глубокие философские основания (оппозиции внутреннего и внешнего, молчания и слова), а также психологизмом прозы И. С. Тургенева, его интенсивной языковой рефлексией.

Основная часть

Для автора и персонажей «Отцов и детей» отношение к речи, сама способность к ней необычайно важны, о чем свидетельствуют их оценки и самооценки. Речевым характеристикам автор уделяет особое внимание: лакей Петр *совсем околел от глупости и важности, произносит все е как ю: тюпюрь, обюсючюн*²; Павел Петрович, когда сердился, с намерением говорил: «эфтим» и «эфто», *хотя очень хорошо знал, что подобных слов грамматика не допускает*³. Речевой характеристики (постоянной или переменной) удостоены почти все персонажи романа, в эпилоге она есть даже у Мити, который *уже бегаёт молодцом и болтает речисто*⁴, но наибольшее внимание уделено Базарову. Он обладает ораторскими способностями, однако автор оценивает его высказывания (в общении с отцом) как *иногда тупые или бессмысленные выходки*⁵. Его умение *возбуждать к себе доверие в людях низших*⁶ безусловно: *Увы! ...этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их [мужиков. – И. М.] глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового...*⁷ В отличие от господской, народная речь всегда внешняя (произнесенная вслух), но только автор понимает то, что стоит за крестьянским косноязычием. Линия фронта между Базаровым и Павлом Петровичем проходит в том числе на уровне отдельного слова:

- ...Ваши слова выводят меня из неизвестности ...
- Из нерешимости, хотите вы сказать.
- Это все равно-с; я выражаюсь так, чтобы меня поняли; я... не семинарская крыса⁸.

Интенсивность языковой рефлексии Базарова не является его частной характеристикой. Нигилист обязан скептически относиться к словам (*аристократизм, либерализм, материализм, прогресс, принципы, кризис* и др.), не подкрепленным, по его мнению, делом. Меняя регистры, он отстаивает существование *нашего наречия*,

¹ Логинов А. В. Вопросительное предложение и вопросо-ответный комплекс во внутренней речи персонажа художественного реалистического произведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1992. – 18 с.

² Тургенев И. С. Отцы и дети. – Москва: Художественная литература, 1967. – С. 165.

³ Там же. – С. 164.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 152.

⁶ Там же. – С. 16.

⁷ Там же. – С. 152.

⁸ Там же. – С. 122–123.

наречия нигилистов, создавая «автоперевод» слов и выражений романтиков, отца, Аркадия, Одинцовой:

– Я полагаю, пора путешественникам в объятия к Морфею, – заметил Василий Иванович.

– То есть пора спать! – подхватил Базаров¹.

Сфера внешней речи в романе отличается интенсивной языковой рефлексией, социальной и психологической дифференциацией персонажей, что не могло не привести к разнообразию форм ее представления. Отметим прежде всего тематическую речь, которая в романе кажется недостаточно значимой для текстового развертывания, но при этом может включать следы диалога в форме несобственно-авторской речи:

– Не правда ли, какое у него славное лицо? Это некто Базаров, мой приятель.

Аркадий принялся говорить о «своем приятеле». Он говорил о нем так подробно и с таким восторгом, что Одинцова обернулась к нему и внимательно на него посмотрела².

Здесь, как и в других случаях, память о персонажном речевом поведении хранится в авторском повествовании, создавая в нем ретроспективные связи: Аркадий ...начал рассказывать и говорить о Базарове еще с большим жаром, с большим увлечением, чем в тот вечер, когда он танцевал мазурку с Одинцовой³. Несобственно-прямая речь в романе – это преимущественно несобственно-авторская речь, вкрапление в повествование фрагментов (разного объема) речи героев: Дуняша вздыхала и думала о другом «бесчувственном» человеке. Базаров, сам того не подозревая, сделался жестоким тираном ее души⁴.

Перейдем к собственно синтаксическим формам выражения внешней речи. Использование конструкции с косвенной речью подчеркивает малую коммуникативную значимость персонажа, возможно, субъективную: Базарову не о чем разговаривать ни с матерью, ни с лакеем Петром. Она необходима для предположения о речи другого (*Отец вам будет говорить, что вот, мол, какого человека Россия теряет...*⁵), приобретая дополнительную субъективную модальность в результате включения в свой состав несобственно-прямой или тематической речи.

Конструкция с прямой речью (далее – КПр) и ее части: собственно прямая речь (далее – Пр) и слова, вводящие ее, так называемые слова автора (далее – СА), – обладают в романе Тургенева своей спецификой. В КПр может быть представлена речь не одного, а нескольких персонажей: *Что вы! что вы! – твердила Анна Сергеевна; но Арина Власьева ее не слушала, а Василий Иванович только повторял: «Ангел! ангел!»*⁶. Подчеркнутым безразличием к априорной буквальности Пр в передаче чужого слова отличаются ироничные квазидитаты в устах Базарова: *«Природа навева-*

¹ Тургенев И. С. Отцы и дети. – Москва: Художественная литература, 1967. – С. 98.

² Там же. – С. 60.

³ Там же. – С. 101.

⁴ Там же. – С. 118.

⁵ Там же. – С. 162.

⁶ Там же. – С. 160.

*ет молчание сна», – сказал Пушкин¹. ПР может представлять собой прерванное высказывание², не обладающее достоверной структурно-семантической характеристикой: Евгений Васильич, мы не властны... – начала было Анна Сергеевна; но ветер налетел, зашумел листьями и унес ее слова³. Подобные высказывания реализуют свой коммуникативный потенциал недоговоренности в ключевых сценах: объяснение Аркадия и Кати, предсмертный бред Базарова (в котором *лес* – возможная отсылка к его сну накануне дуэли, когда Павел Петрович представлялся ему большим лесом, с которым он все-таки должен был драться⁴).*

Коммуникативным разнообразием отмечены СА в недиалогических КПр и в комментированных репликах диалога. Уже в абсолютном начале романа демонстрируется их отнюдь не служебная роль. Речевая реализация⁵ СА, передающая экспрессивно-эмоциональную окрашенность ПР, подчеркнута различна у отцов и детей. Если первые *лепечут*, то вторые *вопят, восклицают, бормочут сквозь зубы* (Базаров). Текстовая реализация⁶ СА (изображение жестов, мимики) и их расширение нередко диссонируют с содержанием ПР. Расширение СА провоцирует их представление в виде отдельного абзаца:

– Извините, – прибавил он [Василий Иванович. – И. М.], обращаясь к Аркадию, и шаркнул слегка ногой, – вы понимаете, женская слабость; ну, и сердце матери...

А у самого губы и брови дергало и подбородок трясся... но он, видимо, желал победить себя и казаться чуть не равнодушным⁷.

И. С. Тургенев оформляет расширение СА как вставную конструкцию в том случае, если она выполняет ремарочную функцию или опровергает реплику персонажа, раскрывая его интенции: *Ведь я тебе говорил, что я не имею предрассудков, – пробормотал Василий Иванович (он только накануне велел спорить красную ленточку с сюртука)...*⁸

В романе присутствует и свободная прямая речь, отличающаяся от КПр отсутствием установки на точность в передаче чужого слова, повторяемостью ситуаций произнесения: *Сил моих нет! – не раз с отчаянием восклицал Николай Петрович⁹*. Свобода от буквальности может быть мотивирована типизированным характером адресанта (сановник вообще): *...сановник вдруг перестает понимать самые простые слова, глухоту на себя напускает. Он спросит, например: какой сегодня день?*¹⁰

¹ Тургенев И. С. Отцы и дети. – Москва: Художественная литература, 1967. – С. 105.

² Ильенко С. Г. Русистика: избранные труды. – Санкт-Петербург: РГПУ имени А. И. Герцена, 2003. – С. 78–79.

³ Тургенев И. С. Отцы и дети. – Москва: Художественная литература, 1967. – С. 146.

⁴ Там же. – С. 125.

⁵ Ильенко С. Г. Русистика: избранные труды. – Санкт-Петербург: РГПУ имени А. И. Герцена, 2003. – С. 408.

⁶ Там же. – С. 443.

⁷ Тургенев И. С. Отцы и дети. – Москва: Художественная литература, 1967. – С. 92.

⁸ Там же. – С. 108.

⁹ Там же. – С. 115.

¹⁰ Там же. – С. 50.

Почти половину текста романа занимают диалоги персонажей. При этом они могут «прятаться» внутри абзаца, если реплики героев, оформленные в данном случае при помощи кавычек, типизируются вследствие своей повторяемости. Арина Власьевна <...> *отправится к Василию Ивановичу и говорит ему, подперши щеку: «Как бы, голубчик, узнать: чего Енюша желает сегодня к обеду, щей или борщу?» – «Да что ж ты у него сама не спросила?» – «А надоем!»*¹

Начинаясь как диалогическое единство (далее – ДЕ), внешняя речь способна затем сворачиваться до тематической и косвенной речи персонажей. В ДЕ реплика одного из героев может контаминироваться с косвенной речью другого или обе реплики могут представлять в этой форме:

*Кончив сонату, Катя, не принимая рук с клавишей, спросила: «Довольно?» Аркадий объявил, что не смеет утруждать ее более, и заговорил с ней о Моцарте; спросил ее – сама ли она выбрала эту сонату или кто ей ее отрекомендовал?»*²

В романе неоднократно встречаются ДЕ, с помощью которых передается диссонанс в отношениях персонажей (в дальнейшем они станут отличительной особенностью драматургии А. П. Чехова³). Особенно показательна в этом отношении диалогическая тактика Базарова: герой или переводит в другой, более низкий, регистр высказывания отца, или, используя прием повтора, выражает иронию (так же он ведет себя с Павлом Петровичем, Аркадием, Ситниковым):

- <...> *Мы друг друга терпеть не можем. Чего больше?*
- *Чего же больше? – повторил иронически Базаров*⁴.

Повествователь по-разному вторгается в речевую сферу персонажей, подчеркнуто отказываясь при этом от роли всеведущего автора: *Была ли правда, полная правда, в их словах? Они сами этого не знали, а автор и подавно*⁵. Вторжение осуществляется при помощи высказываний разной степени обобщенности, позволяющей объединить позиции автора, персонажей и читателей: *Ну, полно, – шепнул Аркадий и пожал украдкой своему другу руку. Но никакая дружба долго не выдержит таких столкновений*⁶.

Перейдем к изображению внутренней речи персонажей, в которой так же, как и во внешней, подчеркнута оппозиция господского и народного:

- *Как вы полагаете, что думает теперь о нас этот человек? – продолжал Павел Петрович, указывая на <...> мужика...*
- *Кто ж его знает! – ответил Базаров, – всего вероятнее, что ничего не думает. <...> Кто его поймет? Он сам себя не понимает*⁷.

¹ Тургенев И. С. Отцы и дети. – Москва: Художественная литература, 1967. – С. 151.

² Там же. – С. 70.

³ Морозова Н. А. Коммуникативные типы предложений-высказываний в художественном драматическом тексте: на материале пьес А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1996. – 23 с.

⁴ Тургенев И. С. Отцы и дети. – Москва: Художественная литература, 1967. – С. 123.

⁵ Там же. – С. 141.

⁶ Там же. – С. 107.

⁷ Там же. – С. 129.

Способность к внутренней речи присуща далеко не всем персонажам романа (Кукшиной, Ситникову, тетке Одинцовой, губернатору); о размышлениях матери Базарова мы, как и он сам, можем только догадываться. Внутренняя речь героев находится под контролем автора, вторжение которого, как и в случае внешней речи, осуществляется в форме обобщенных (в разной степени) высказываний:

– Вот неожиданно! Какими судьбами! – твердил он [Аркадий. – И. М.], суетясь по комнате, как человек, который и сам воображает и желает показать, что радуется. – Ведь у нас все в доме благополучно, все здоровы, не правда ли?¹

Развертыванию внутренней речи предшествует указание на ее стимулы, лакуны внешней речи. Автору дорого *немолчаливое подкарауливание широкой жизненной волны, непрерывно катящейся и кругом нас, и в нас самих²*. Способность к молчанию высоко ценится и Базаровым, который говорит о Кате: *Это вот свежо, и нетронуто, и пугливо, и молчаливо, и все что хочешь³*. Молчание как отказ от внешней речи может быть знаком взаимопонимания. Отцы Аркадия и Евгения молчат из деликатности или отчаяния, мать Базарова – из робости, молчание в диалогах Базарова с Одинцовой – признак рокового поединка, в диалогах Кати и Аркадия – признак их растущего сближения. Подчеркнем, однако, что невысказанная, но известная автору и читателю внешняя речь персонажа не то же самое, что речь внутренняя:

Василий Иванович уже не упомянул о том, что каждое утро, чуть свет, стоя о босу ногу в туфлях, он совещался с Тимофеичем и, доставая дрожащими пальцами одну изорванную ассигнацию за другою, поручал ему разные закупки...⁴

Внутренняя речь – в первую очередь разговор с самим собою, поэтому она может вводиться не только глаголом *думать*, но и словами *сказать, шептать, бормотать, твердить* и т. д. *себе, про себя: Базаров невольно поглядывал вдоль той дороги, рвал и кусал траву, а сам все твердил про себя: «Экая глупость!»⁵* Использование предиката *шепнуть* в СА, вводящих недиалогическую КПП, – признак, скорее, не внешней, а внутренней речи персонажа, обращенной к самому себе: *«Жаль и Кати!» – шепнул Аркадий в подушку, на которую уже капнула слеза...⁶* Граница между внешней и внутренней речью не является безусловной, потому что в последней есть обращенность не только к себе, но и к другому, и к себе самому как к другому. Условность границы становится очевидной, если внутренняя речь эксплицируется самим персонажем или другим:

– То есть вы хотите сказать <...> вы бы не позволили оскорбить себя, не потребовав удовлетворения?

– Вы вполне отгадали мою мысль⁷.

¹ Тургенев И. С. Отцы и дети. – Москва: Художественная литература, 1967. – С. 140.

² Там же. – С. 144.

³ Там же. – С. 71.

⁴ Там же. – С. 111.

⁵ Там же. – С. 125.

⁶ Там же. – С. 88.

⁷ Там же. – С. 122–123.

В романе (нередко в одном фрагменте) функционируют разные формы представления внутренней речи (несобственно-прямая, тематическая, КПР и др.). Однако чаще всего она передается посредством конструкции с косвенной речью, являющей собой сложноподчиненное предложение с изъяснительной придаточной частью, с ограниченным набором контактных слов (с типизированным лексическим значением *мысли, чувства, речи*): *...мысль, что она [Одинцова. – И. М.] не то бы почувствовала, если бы точно его любила, – мгновенно сверкнула у ней в голове*¹. Внутренняя речь персонажей И. С. Тургенева не только рациональна, она может передавать их чувства, смутные ощущения, интенции, что мотивирует выбор контактных слов соответствующей семантики: *Аркадий вдруг почувствовал, что он, по крайней мере, столько же желал видеть Катю, сколько и самое Анну Сергеевну*².

В КПР, используемых для передачи внутренней речи, СА не содержат глаголов, выражающих экспрессию звучащей речи. Мысль может изображаться как нечто, не зависящее от воли персонажа, при этом в качестве СА используются конструктивно-неполные предложения с типизированным набором предикатов в форме среднего рода (*мелькнуло, вертелось* в голове и т. п.): *«Что я делаю? – мелькнуло вдруг в голове Аркадия <...>»*³. Показательна также персонажная дифференциация СА. Глаголы *думать, решать* вводят внутреннюю речь Базарова, Одинцовой, Аркадия, Кати, Николая Петровича. По разным причинам *думать* отсутствует в представлении внутренней речи родителей Базарова, Кукшиной и Ситникова. *Вообразить* может Аркадий или лакей Петр, но не Базаров. В расширении СА называются объект наблюдения, его ракурс, стимулирующие развертывание внутренней речи: *На другое утро Базаров раньше всех проснулся и вышел из дома. «Эге! – подумал он, посмотрев кругом, – местечко-то неказисто»*⁴. Гипотетичность предполагает форму свободной прямой речи, подчеркнутую союзом *как будто*: *Фенечка ...так улыбалась, как будто хотела сказать: «Вы меня извините, я не виновата»*⁵.

Внутренняя речь, выраженная КПР, оформляется, в отличие от внешней речи (в данном случае комментированной реплики), при помощи кавычек, даже если они принадлежат одному персонажу: *«Видно, прав Базаров, – подумала она [Одинцова. – И. М.], – любопытство, одно любопытство, и любовь к покою, и эгоизм...» – Дети! – промолвила она громко, – что, любовь чувство напускное?»*⁶ Чередование форм внешней и внутренней речи характерно также для разговора Одинцовой с самой собой.

И. С. Тургенев виртуозно комбинирует внешнюю и внутреннюю речь разных персонажей в соответствии с их характерами. Николай Петрович и Катя из деликатности или робости уклоняются от прямого выражения своего мнения, оно остается в сфере внутренней речи, даже если используется прием подхвата реплики *другого*:

<...> у тебя еще такие прелестные ножки! <...>

¹ Тургенев И. С. Отцы и дети. – Москва: Художественная литература, 1967. – С. 161.

² Там же. – С. 113.

³ Там же. – С. 116.

⁴ Там же. – С. 15.

⁵ Там же. – С. 163.

⁶ Там же. – С. 150.

«Прелестные ножки, – думала она [Катя. – И. М.], медленно и легко всходя по раскаленным от солнца каменным ступеням террасы, – прелестные ножки, говорите вы... Ну, он и будет у них»¹.

Интенсивность взаимодействия внешней и внутренней речи является доминантой диалогов Анны Сергеевны и Базарова, который занимал ее, она много о нем думала². Однако и она так себя держала, что каждый человек, не обиняясь, высказывал перед ней свои мнения³:

«Этот меня любил!» – подумала она – и жалко ей стало его, и с участием протянула она ему руку.

Но и он ее понял.

– Нет! – сказал он и отступил на шаг назад. – Человек я бедный, но милостыни еще до сих пор не принимал⁴.

В обмене репликами этих персонажей прослеживается попытка проникновения во внутренний мир другого, поэтому внутренняя речь подчас важнее внешней. Внутренняя речь Базарова (КПР, оформленная при помощи кавычек) является рефлексией на реплики Одинцовой:

<...> Прежде он избегал меня. Впрочем, и я не искала его общества. Они большие приятели с Катей.

Базарову стало досадно. «Не может женщина не хитрить!» – подумал он⁵.

В русистике оказалась плодотворной идея А. К. Соловьевой⁶ о диалогах-диссонансах и диалогах-унисонах, но эти термины применялись исключительно к анализу внешней речи. Сферу их использования можно расширить. Если диалоги Базарова и Одинцовой демонстрируют диссонанс их внешней и внутренней речи, то диалоги Кати и Аркадия по мере развития их отношений перерастают в унисон, который подчеркивается повтором высказывания (что не осталось незамеченным в авторской сентенции):

<...> она [Одинцова. – И. М.] очень дорожит своею независимостью.

– Кто же ею не дорожит? – спросил Аркадий, а у самого в уме мелькнуло: «На что она?» – «На что она?» – мелькнуло и у Кати. Молодым людям, которые часто и дружелюбно сходятся, беспрестанно приходят одни и те же мысли⁷.

Подобного унисона нет в диалогах Николая Петровича и Аркадия, в редких диалогах Фенечки и Павла Петровича:

– <...> любите, любите моего брата! <...>

¹ Тургенев И. С. Отцы и дети. – Москва: Художественная литература, 1967. – С. 140.

² Там же. – С. 75.

³ Там же. – С. 73.

⁴ Там же. – С. 148.

⁵ Там же. – С. 143.

⁶ Соловьева А. К. О некоторых общих вопросах диалога // Вопросы языкознания. – 1965. – № 6. – С. 103–110.

⁷ Там же. – С. 137.

«Господи! – подумала она [Фенечка. – И. М.], – уж не припадок ли с ним?..»¹

Диссонанс не только внешней, но и внутренней речи постепенно нарастает в диалогах Базарова и Аркадия. Чем ближе к финалу, чем более развернутой становится внутренняя речь Аркадия, тем он очевиднее:

– Ты, брат, глуп еще, я вижу. Ситниковы нам необходимы. Мне, пойми ты это, мне нужны подобные олухи. Не богам же, в самом деле, горшки обжигать!..

«Эге-ге!.. – подумал про себя Аркадий, и тут только открылась ему на миг вся бездонная пропасть базаровского самолюбия. – Мы, стало быть, с тобою боги? то есть – ты бог, а олух уж не я ли?»

– Да, – повторил угрюмо Базаров, – ты еще глуп².

Выводы

В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» выявлена художественная значимость не только внешней, но и внутренней речи персонажей. Обладая эстетической условностью, эти сферы демонстрируют проницаемость своих границ и своеобразие синтаксических форм презентации.

Роман отличается разнообразием композиционно-синтаксического взаимодействия внутренней и внешней речи. Наиболее сложно оно представлено в диалогах, построенных на диссонансе или унисоне внутренней и внешней речи персонажей. Лингвистическое изучение их взаимодействия на материале не только классической, но и современной литературы обладает несомненным научным потенциалом.

Литература

Аманалиева Ф. Б. Недialogические конструкции с прямой речью и их функционирование в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград: [б. и.], 1989. – 17 с.

Борисова М. Б. Голос автора и голос героя в драматургическом тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: сборник статей в честь профессора Сакмары Георгиевны Ильенко / под редакцией В. Д. Черняк. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 1998. – С. 248–258.

Грудина М. В. Чужая речь в романах И. С. Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне»: коммуникативно-текстообразовательный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург: [б. и.], 2009. – 32 с.

Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – Москва: Наука, 1982. – 157 с.

Ильенко С. Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. – Санкт-Петербург: РГПУ имени А. И. Герцена, 2009. – 398 с.

Ильенко С. Г. Русистика: избранные труды. – Санкт-Петербург: РГПУ имени А. И. Герцена, 2003. – 674 с.

Логонов А. В. Вопросительное предложение и вопросо-ответный комплекс во внутренней речи персонажа художественного реалистического произведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1992. – 18 с.

Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. – Москва: Издательский центр РГГУ, 2005. – 316 с.

¹ Тургенев И. С. Отцы и дети. – Москва: Художественная литература, 1967. – С. 133.

² Там же. – С. 88.

Милых М. К. Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. – Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1956. – 166 с.

Морозова Н. А. Коммуникативные типы предложений-высказываний в художественном драматическом тексте: на материале пьес А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1996. – 23 с.

Соколова Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. – Томск: Издательство Томского университета, 1968. – 281 с.

Соловьева А. К. О некоторых общих вопросах диалога // Вопросы языкознания. – 1965. – № 6. – С. 103–110.

Тургенев И. С. Отцы и дети. – Москва: Художественная литература, 1967. – 224 с.

Чиркова Н. И. Репрезентация диалога в художественном прозаическом тексте: на материале романов И. А. Гончарова «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург: [б. и.], 1992. – 19 с.

Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. – Киев: Вища школа, 1975. – 220 с.

References

Amanalieva F. B. *Nedialogicheskie konstruksii s priamoj rech'iu i ikh funkcionirovanie v khudozhestvennom tekste* [Nondialogical constructions with direct speech and their functioning in a fiction text: abstract PhD thesis in Philology]. Leningrad, 1989. 17 p.

Borisova M. B. *Golos avtora i golos geroia v dramaturgicheskom tekste* [The voice of the author and the voice of the character in a dramatic text]. *Rusistika: Lingvisticheskaia paradigma kontsa XX veka: sbornik statei v chest' professora Sakmary Georgievny Il'enko* [Russian Studies: The linguistic paradigm of the end of the XX century: collection of works in honor of professor S. G. Il'enko; ed. by V. D. Chernyak]. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 1998, pp. 248–258.

Grudina M. V. *Chuzhaia rech' v romanakh I. S. Turgeneva "Rudin", "Dvorianskoe gnezdo", "Nakanune"*: *kommunikativno-tekstoobrazovatel'nyi aspekt* [Someone else's speech in the novels of I. S. Turgenev "Rudin", "A Nest of the Gentry", "On the Eve": communicative and text-forming aspect: abstract PhD thesis in Philology]. St Petersburg, 2009. 32 p.

Zhinkin N. I. *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as a conductor of information]. Moscow: Nauka, 1982. 157 p.

Il'enko S. G. *Kommunikativno-strukturnyi sintaksis sovremennogo russkogo iazyka* [Communicative-structural syntax of the modern Russian language]. St Petersburg: RGPU imeni A. I. Gertsena, 2009. 398 p.

Il'enko S. G. *Rusistika: izbrannye trudy* [Russian Studies: selected works]. St Petersburg: RGPU imeni A. I. Gertsena, 2003. 674 p.

Loginov A. V. *Voprositel'noe predlozhenie i voproso-otvetnyi kompleks vo vnutrennei rechi personazha khudozhestvennogo realisticheskogo proizvedeniia* [An interrogative sentence and a question-and-answer complex in the internal speech of a character in a fiction realist work: abstract PhD thesis in Philology]. St Petersburg, 1992. 18 p.

Maksimova N. V. *"Chuzhaia rech'" kak kommunikativnaia strategii* ["Someone else's speech" as a communication strategy]. Moscow: Izdatel'skii tsentr RGGU, 2005. 316 p.

Milykh M. K. *Sintaksicheskie osobennosti priamoj rechi v khudozhestvennoi proze* [Syntactic features of direct speech in fiction]. Khar'kov: Izdatel'stvo Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1956. 166 p.

Morozova N. A. *Kommunikativnye tipy predlozhenii-vyskazyvanii v khudozhestvennom dramaticheskom tekste: na materiale p'es A. P. Chekhova* [Communicative types of sentences-utterances in a fiction dramatic text: based on the material of A. P. Chekhov's plays: abstract PhD thesis in Philology]. St Petersburg, 1996. 23 p.

Sokolova L. A. *Nesobstvenno-avtorskaia (nesobstvenno-priamaia) rech' kak stilisticheskaia kategoriia* [Non proper-author's (non proper-direct) speech as a stylistic category]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1968. 281p.

Solov'eva A. K. O nekotorykh obshchikh voprosakh dialoga [About some general questions of the dialogue]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the study of language], 1965, no. 6, pp. 103–110.

Turgenev I. S. *Ottsy i deti* [Fathers and Sons]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1967. 224 p.

Chirkova N. I. *Reprezentatsiia dialoga v khudozhestvennom prozaicheskom tekste: na materiale romanov I. A. Goncharova "Obyknovennaia istoriia", "Oblomov", "Obryv"* [Representation of dialogue in fiction prose text: based on the material of I. A. Goncharov's novels "A common story", "Oblomov", "The Precipice": abstract PhD thesis in Philology]. St Petersburg, 1992. 19 p.

Chumakov G. M. *Sintaksis konstruksii s chuzhoi rech'iu* [Syntax of constructions with someone else's speech]. Kiev: Vishcha shkola, 1975. 220 p.

Для цитирования: *Мартьянова И. А.* Композиционно-синтаксическое взаимодействие внешней и внутренней речи персонажей в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 4 (97). – С. 149–160. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-4-97-13

For citation: Martianova I. A. Compositional and syntactic interaction of characters' external and internal speech in I. S. Turgenev's novel "Fathers and Sons". *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 4 (97), pp. 149–160. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-4-97-13